

Семью, в которой вырос Николай, в среде минской интеллигенции называют идеальной.

ничего страшного!" — был ответ. Потом уже сказали, что сердечный приступ, а еще позже — инсульт. Что же там было? Или это некомпетентность врачей, которые не могли разобраться? Или злой рок какой-то, злые силы... Ведь многие были против его нового брака с Люсей (так зовут невесту Николая Еременко, с которой он жил последние 4 года. — **Авт.**), а ведь у них все было готово к свадьбе, купили квартиру, на следующий день должны были ехать покупать спальню. И вдруг смерть. Ничем не болел. Там, в больнице, была Люся. Я его в сознании уже не застала. Когда я приехала, он лежал весь голый под простыней, руки привязаны, в горле у него была трубка, и аппарат дыхания качал легкие. Через полтора часа нам сообщили, что все кончено.

Галина Александровна поднялась с дивана и вновь отправилась в спальню. Я уже подумала, что больше она ничего мне не сможет рассказать, но... Через несколько минут она вернулась с фотоальбомом, вытирая с него рукой мнимую пыль:

— Вот я сделала фамильный альбом, приготовила, во время последней встречи в Минске хотела отдать его Коле, а он сказал: "Подожди. Тебе рановато". Когда он приезжал в Минск, я все повторяла: "Коля, ты меня должен первой похоронить!" — "Ну ты интуитка, вечно тебе кажется", — говорил мне, но у меня было какое-то странное предчувствие.

А вы знаете, ведь он уже один раз умирал. Чудом остался живой. Ему спас жизнь профессор Гофман. Когда он поступил во ВГИК, я ему говорила: найди в Москве доктора Гофмана, поблагодари за жизнь, которую он тебе спас, но куда там, все мысли были заняты ВГИКом и друзьями, подумавешь, какой-то там докторишка. А ведь если бы не он... Московское светило профессор Гофман был Сталиным выслан в Витебск. Потом, ко-

гда Сталин умер, он вернулся в Москву. А тогда, на мое счастье, был в Витебске. Он был в роддоме гинекологом. Он спас жизнь трехдневного Коли, у которого тогда было воспаление легких.

— Николай, по-вашему, был счастливым человеком? Он был удовлетворен своей личной жизнью?

— Николаю природа все дала — и красоту, и ум, и талант. Коля был красивый с детства. Это, конечно, осложняло его жизнь в Москве. Он не был там счастлив, поэтому и случился этот развод с Верой, первой женой, он с ней формально прожил больше четверти века, а на самом деле там ничего не складывалось давно. У Коли остались две дочки — от первого брака Ольга, которая уже замужем, и 11-летняя Таня от другой женщины. Я ее не знаю. Коля очень мечтал о сыне, хотел его от Люси, это у них было запланировано. Да и я надеялась, что у них все сложится. Люся мне нравится, она очень откровенная девочка, очень честная.

— Из ваших слов следует, что вы не знали о существовании 10-летней внучки...

— Таню я впервые увидела на похоронах сына. Оказывается, у него была там в Москве женщина, тоже Таня, от которой у него родилась дочка. Но надо отдать должное Коле — он не бросал своих детей, нес все расходы. Девочке оплачивал платную школу. А вообще-то я не успела толком познакомиться с новыми родственниками.

— Вы не ревновали сына к его женщинам?

— Боже упаси! Да что вы! Это неестественно, это

разные планеты — чувства к матери и к женщинам. Я считаю, когда матери не готовы делить своего сына с другими женщинами, это что-то неестественное. Ты же родила его не для себя, а для жизни. Муж — это одно, а сын — это другое. Я видела, конечно, что многое не так в его личной жизни, но я никогда не вмешивалась. Я ему всегда говорила: твоя жизнь, сам решай.

— Вы держали в ежовых рукавицах своих мужчин или держались за них?

— Мы держались друг за друга, явных лидеров не было. Я не знала никаких проблем с моими мальчиками. Мужа моего все время назначали на какие-то большие общественные должности, а я, откровенно говоря, не люблю все эти "нагрузки". Ерема обо мне говорил так: "Ты у нас неохваченная". Коля, конечно, был из другого поколения, более "продвинутой", как теперь говорят.

— Ваш сын был верующим человеком?

— Мы вообще атеистическое поколение, нас так воспитывали: мы должны были выписывать "Пионерскую правду" и журнал "Безбожник". Такое было время. Когда мой Ерема умер, предложили его отпеть. Наш владыка Филарет, который был дружен с моим мужем и хорошо его знал, сказал, что очень его уважает как человека, но отпевать было бы неискренне, так как он был неверующий, некрещеный. А вот Коля был верующий, носил крест, потому его уже отпевали как положено. Филарет сказал мне, что монахи Жировичского монастыря будут целый год молиться за моего сына.

Опять пауза. Долгая. Такая, что я начинаю суматошно искать слова, чтобы вывести Галину Александровну из заторможенного состояния. Она продолжает:

— Он со мной разговаривал толь-

ко так: "Мамуль, я так по тебе соскучился".

— Ну приезжай, сыночка (ударение на первый слог)!

— Мамуль, а драники?

— Обеспечим!

Он любил все белорусские блюда. Незадолго до смерти мы с Колей смотрели проект надгробия для отца и не подозревали, что так обернется, что вскоре я уже одна буду думать о

В детстве Коля очень любил хулиганить.

надгробии для двоих. Коля занял мое место рядом с Еремой, и сейчас я прошу власти только об одном — оставьте там место и для меня.

В самом конце Галина Александровна подняла голову в сторону портрета сына, сказала: "Вот, сыночка, мы о тебе и поговорили" — и замолчала.

Одна из самых любимых в семье фотографий. Два Николая. Отец и сын.

